

*Сеимова Е.В.
Белорусский государственный университет, Минск .
Науч. рук. – канд. филол. наук, доцент Г.В. Синило*

**БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В «НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» Р.М. РИЛЬКЕ**

Райнер Мария Рильке (Rainer Maria Rilke, 1875-1926) – один из самых великих поэтов XX в. Он жил в переломную эпоху и всю жизнь пытался найти пути исцеления общества через искусство и духовность, что у него, к сожалению, не получилось, как и у многих до него. И все же на фоне своего поколения Рильке был особым поэтом и человеком. Белорусская исследовательница Г.В. Синило пишет: «Он остро ощущал переломность своего времени, его катастрофичность, четко осознавал угрозу человеческому духу и всю жизнь стремился защитить его, не позволяя себе ни грана высокомерного снобизма по отношению к

малому, незаметному, земному, не пятная себя ни малейшим пятном национальной ограниченности и шовинизма» [4, с. 692].

Сборник «Новые стихотворения», вышедший в свет в 1907-1908 гг., обозначил новый этап поэтического развития Рильке и выявил удивительное тематическое разнообразие его поэзии. Она насыщена чрезвычайно разными темами, мотивами, аллюзиями. Это подтверждает и Роберт Музиль в своих «Речах о Рильке»: «Она [поэзия] говорит о скрипке, о камне, о белокурой девушке, о фламинго, о колодцах и городах, о слепцах и сумасшедших, попрошайках и ангелах, увечных и рыцарях, богачах и королях... она становится поэзией о любви, лишениях и благочестии, о ярости схватки, поэзией простого описания, нагруженного вдобавок культурными реминисценциями... она становится песней, балладой, легендой... Никогда она не является тем самым, что составляет содержание поэзии; всегда она является чем-то, является непостижимым бытием этих представлений и вещей, их непостижимым соседствованием и невидимой сплетенностью друг с другом, что вызывает и направляет лирическое впечатление» [2, с. 532].

Излюбленными для Рильке были библейские сюжеты, образы, мотивы, ведь Библия для него была не просто книгой, а настоящим путеводителем по жизни. Рильке был «самым религиозным поэтом после Новалиса» (Р. Музиль), но при всей близости поэту христианства нельзя сказать, что он исповедовал какую-то определенную религию. Для него творчество и было религией. Неслучайно он говорил: «Тот, кто не творит, должен иметь религию». Это значит, что у творящего, у поэта она уже есть, и это, прежде всего, служение Слову.

Многие стихотворения Рильке не прямо обращаются к библейскому тексту, но содержат в себе аллюзии, часто присутствующие в стихотворении лишь имплицитно, на известные сюжеты и образы, иногда – на самое атмосферу и стилистику той или иной библейской книги. Одним из таких примеров может служить стихотворение «*Östliches Taglied*» («Восточная дневная песнь»):

Ist dieses Bette nicht wie eine Küste,
ein Küstenstreifen nur, darauf wir liegen?
Nichts ist gewiss als deine hohen Brüste,
die mein Gefühl in Schwindeln überstiegen. [5, с. 20]

(Разве эта постель – не как побережье, / лишь полоса побережья, на котором мы лежим? / Нет ничего более несомненного, чем твои высокие груди, / которые переполнили и перевернули мои чувства. – *Здесь и далее подстрочный перевод наш.* – Е.С.).

Край ложа, на котором ты уснула,
как узкая полоска побережья.

Волна твоих груди перевернула
все чувства, вырвав их из безмятежья.

(Здесь и далее перевод К. Богатырева) [3, с. 15]

Уже в первой строфе ощущаются аллюзии на Песнь Песней с ее яркой эротической образностью. Это подтверждает и дальнейший текст:

Man müsste so sich ineinanderlegen
wie Blütenblätter um die Staubgefäße:
so sehr ist überall das Ungemäße
und häuft sich an und stürzt sich uns entgegen. [5, с. 20]

(Нужно так друг в друга укладываться, / как лепестки вокруг тычинок: / так повсюду это несоответствие / скапливается и опрокидывается на нас.)

Нам так с тобою лечь друг в друга надо,
как вокруг тычинок лепестки ложатся.
Повсюду горы хаоса толпятся,
на нас готовясь рухнуть всей громадой. [3, с. 15]

В этом стихотворении нет конкретного библейского сюжета, но метафорика, образность, настроение ассоциативно возрождают в памяти читателя текст Песни Песней, причем не какие-то определенные строки, а общее настроение библейской поэмы о любви.

Особенно много аллюзий в сборнике можно встретить на Евангелия, прежде всего на события из жизни Иисуса Христа. Так, например, в стихотворении «Leichen-Wäsche» («Обмывание тела») речь внешне идет об обычных житейских событиях: две женщины готовят тело к погребению; они не знают, кто покойник, поэтому сами придумывают ему судьбу. И хотя некоторые исследователи склонны рассматривать это стихотворение в контексте мотива непостижимости мира, некоммуникабельности людей, усматривая в качестве ключевых строки: «...они увидели, что неизвестный / им незнаком...», не увидеть здесь аллюзии на образ Христа просто невозможно. Как известно, отношение Рильке к Христу было особым: он воспринимал Иисуса как человека, Сына Человеческого, а не как Богочеловека, Сына Божьего. Это продемонстрировано и в данном стихотворении:

Они к нему привыкли. Но потом,
когда фонарь зажегся в ночи тесной,
они увидели, что неизвестный
им незнаком. И мыли труп вдвоем.
Не зная ничего о нем на деле,
они ему придумали судьбу.
И обе, вдруг закашлявшись, присели,
оставив губку у него на лбу,
пропитанную уксусом. И зорче
приглядывались к трупу. С жесткой щетки

стекали капли. Руки в жуткой корче
как будто бы доказывали молча,
что жажды больше нет в иссохшей глотке.

И он им доказал. Они в смущеньи
и торопливо подступили к ложу
покойника. А их кривые тени
кривлялись на обоях, как в мережу
вплетаясь в их узоры и изъязны.
Они же терли тело иступленно.
Ночь в раме незавешанной оконной
была нагла. Но издавал законы
лежавший здесь какой-то безымянный. [3, с. 147]

Стихотворение отсылает в наибольшей степени к Евангелию от Матфея. И первой отсылкой является указание, что женщин было две. Только в Евангелии от Матфея при погребении Иисуса присутствовали вместе с Иосифом Аримафейским две женщины – Мария Магдалина и Мария Иосиева, родственница Девы Марии: «...Тогда Пилат приказал отдать тело; // и, взяв тело, Иосиф обвинил его чистою плащаницею // и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился. // Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба» (*Матф 27:58-61*).

Еще одной явной аллюзией является упоминание жажды и губки, пропитанной слабым вином («уксусом»): «Eine musste husten / und ließ solang den schweren Essigschwamm // auf dem Gesicht» [5, с. 152] («Одна закашлялась / и оставила тем временем тяжелую губку, пропитанную уксусом / на лице»); «...während seine grause / gekrampfte Hand dem ganzen Hause / beweisen wollte, dass ihn nicht mehr dürste» [5, с. 152] («...в то время как его серая, / сведенная судорогой руки всему дому / хотела доказать, что он больше не жаждет»). В Библии же сказано: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; // а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? // Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. // И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; // а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. // Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух» (*Матф 27:45-50*).

Третьим же весомым аргументом в пользу присутствия библейской аллюзии можно назвать последние строки стихотворения: «Und einer ohne Namen / lag bar und reinlich da und gab Gesetze» [5, с. 152] («И кто-то без имени / лежал, обнаженный [настоящий, абсолютный] и чистый,

здесь и давал законы»). В данной фразе скорее можно увидеть аллюзии на Бога: «без имени», «давал законы» и «reinlich», что употребляется не только в значении обнаженный, но и абсолютный. В любом случае обычного покойника нельзя представить «дающим законы».

Еще одну аллюзию на евангельские события можно увидеть в стихотворении «Abendmahl» («Ужин», «Вечеря»). Название уже намекает на Тайную Вечерю, но Рильке целенаправленно не подчеркивает этого. Для него это самый обыденный ужин, который можно наблюдать в любой семье, но все-таки не в каждой семье есть свой Иуда:

Ewiges will zu uns. Wer hat die Wahl
und trennt die großen und geringen Kräfte?
Erkennst du durch das Dämmern der Geschäfte
im klaren Hinterraum das Abendmahl:
wie sie sichs halten und wie sie sichs reichen
und in der Handlung schlicht und schwer beruh'n.
Aus ihren Händen heben sich die Zeichen;
sie wissen nicht, dass sie sie tun
und immer neu mit irgendwelchen Worten
einsetzen, was man trinkt und was man teilt.
Denn da ist keiner, der nicht allerorten
heimlich von hinnen geht, indem er weilt.
Und sitzt nicht immer einer unter ihnen,
der seine Eltern, die ihm ängstlich dienen,
wegschenkt an ihre abgetane Zeit?
(Sie zu verkaufen, ist ihm schon zu weit.) [5, с. 156]

(Вечное стремится к нам. Кто имеет выбор / и разделяет большие и малые силы? / Ты различаешь сквозь сумерки суть дела / в обманчиво-ясном пространстве ужин [вечерю]: // как они останавливаются, и как они движутся, / и в действии простом и тяжеловесном покоятся. / Из их рук поднимаются [вырастают] знаки; / они не знают, что они делают // и всегда кто-то снова какими-нибудь словами / указывает, что нужно пить и что делить. / Ибо там нет никог, кто повсеместно / тайно уйдет, хотя одновременно он присутствует. // И разве не всегда сидит кто-нибудь среди них, / кто своих родителей, которые ему трепетно служат, / отдаст прочь в прошедшее время? / (Они проданы, это уже слишком далеко от него).

К нам вечность льнет.
И все ж кому дано
большие силы отделить от малых?
Ты видишь ужин и вино в бокалах
сквозь сумерки в витринное окно?
Ты видишь их движенья, их повадку —
как будто чем-то каждый жест чреват.

В их пальцах знак рождается украдкой,
они не знают, что творят.

И кто-то каждый раз вставляет слово,
чтоб указать, что пить им, что делить.
Нет среди них ни одного такого,
кто б втайне не собрался уходить.

Найдется и такой: он, всех целуя,
отца и даже мать свою родную
готов отдать упешшим временам.

(В продажу не годится этот хлам.) [3, с. 151]

События, описанные в данном стихотворении, можно расценивать и как самое Тайную Вечерю. Сравним с библейским текстом: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; // И когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. // Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? // Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; // Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться. // При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал. // И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. // И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, // ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. // Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (*Матф 26:20–29*).

Однако можно увидеть и просто обычный ужин в любой семье, на который неизбежно ложится отсвет библейской парадигмы, ставящей человека перед выбором. Особенно очевидно это в переводе Константина Богатырева, где многие строки можно перенести на современное общество (например, «витринное окно», «вино в бокалах» рисуют в сознании картины современной жизни). Важной является последняя строфа стихотворения, где говорится, что практически всегда за столом будет сидеть тот, кто в той или иной степени сможет предать даже отца и мать или отказаться от них для более высокой цели (ведь Иисус, согласно Евангелиям, подчеркивает, что истинная Его семья – Его ученики и люди, которым Он служит). К. Богатырев в своем переводе немного перефразировал эту строфу: если у Рильке в ней звучит надежда, то в русском переводе акцентирована горькая мысль, что везде и всегда найдется свой Иуда.

Таким образом, на примере лишь нескольких стихотворений можно проследить, как Рильке часто включает читателя в свою интеллектуальную игру, заставляет задуматься и вспомнить многие события, в том числе и библейские. Но делает он это намеками, с помощью аллюзий, которые не просто расшифровать и понять, давая читателю самому выбрать, что он хочет видеть в том или ином стихотворении. Это во многом очень свойственно эпохе поэта – эпохе модерна. В свою очередь, подобные приемы послужат примером для пришедшей спустя десятилетия литературы постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
2. Музиль, Р. Малая проза. Избранные произведения: в 2 т.; пер. с нем. и предисл. А. Карельского; сост. Е. Кацевой / Р. Музиль. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. – Т. 2. – 590 с.
3. Рильке, Р.М. Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть: изд. подгот. К.П. Богатырев, Г.И. Ратгауз, Н.И. Балашов / М. Рильке; . – М.: Наука, 1977. – 543 с.
4. Синило, Г.В. Рильке / Г.В. Синило // Большой энциклопедический словарь; гл. науч. ред. и сост. С.Д. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С. 692–694.
5. Rilke, R.M. Die Neue Gedichte; Der neuen Gedichte anderer Teil / R.M. Rilke. – Leipzig: Insel Verlag, 1981. – 388 S.